

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ГОРОЖАН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ
«ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА» НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ**

© 2015 Е.Ю. Семенова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара,
Самарский государственный технический университет

Поступила в редакцию 30.03.2015

В статье рассматривается взаимосвязь индивидуальных и социальных поведенческих практик городского населения с «продовольственным вопросом», получившим развитие в годы Первой мировой войны. Поставленная проблема исследуется по материалам городов Поволжья.

Ключевые слова: социальные и индивидуальные поведенческие практики, «продовольственный вопрос», горожане, Первая мировая война, Поволжье.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-11-63004 а(р) «Российский город в годы Первой мировой войны: на материалах Поволжья (1914-1918 гг.)».

Психологи предлагают различные варианты трактовки понятия «поведение», включают в его контекст: действия как крупные акты, имеющие определённый смысл; поступки, имеющие общественное, социальное значение и связанные с нормами поведения, отношениями и проч.; действия, мотивация которых переходит из предметного плана в план личностно-общественных отношений; непрерывный процесс приспособления к постоянно меняющимся условиям внешней среды и др.¹

В данной статье автор сосредоточил внимание на поведении людей, формировавшемся и проявлявшемся в Первую мировую войну под влиянием так называемого «продовольственного вопроса». Данный вопрос многоаспектен, его составляющими можно считать формы и способы обеспечения населения продовольствием, уровень обеспеченности продовольственными ресурсами, доступность продовольственных ресурсов по ценовым и иным критериям (например, наличности в пределах привычной среды обитания, затратам времени на приобретение и др.)². Интересующий нас период – Первая мировая война – стал для России в целом и для городов Поволжья в частности переходным, разделившим имперскую Россию и Россию революционную, затем советскую.

Значение «продовольственного вопроса», различных его составляющих в трансформации общества и государственности в годы Первой мировой войны оценивается исследователями неоднозначно. В.Н. Парамонов, анализируя исто-

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, профессор Самарского государственного технического университета. E-mail: dashka129k@yandex.ru

риографию по проблеме качества жизни россиян в годы Мировой войны, справедливо подчеркнул, что как понятие «качество жизни» является интегрированным и включает в себя в том числе субъективные ощущения комфортности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне³. Отметим, что далеко не последнюю роль в этом играет наличие, доступность, достаточность продовольственного ресурса. Подробно характеризуя историографию по интересующей его проблеме в указанной статье, автор показал, что при изучении качества жизни зарубежные и отечественные исследователи обращались к связанным с «продовольственным вопросом» аспектам, отмечали данные о надвигающемся продовольственном кризисе 1915-1916 гг. (Н.Д. Кондратьев), зависимость для потребителя доступа к продовольствию от собственных усилий (П. Гатрелл), натурализацию хозяйства в маленьких городах (А.А. Ильюхов), формирование для «городских низов» острой проблемы их физического выживания (С.В. Тютюкин), наличие дефицита и дороговизны (И.Б. Белова), противоречие между интересами потребителей продовольствия, с одной стороны, и производителей и торговцев – с другой (С.Ю. Шишкина)⁴. Спорным остаётся влияние «продовольственного вопроса» на общество в годы Первой мировой войны и среды самарских историков⁵.

Поволжские города в годы Мировой войны располагались на территории, являвшейся тыловой. Однако связанные с войной демографические, экономические, внешне- и внутриполитические процессы оказали воздействие на формирование или более широкое распространение в среде горожан различных поведенческих практик, не отмечавшихся или мало распространённых в условиях довоенной поры⁶.

Выделим различные социальные и индивидуальные поведенческие практики, возникшие и получившие распространение среди городского населения Поволжья под влиянием именно «продовольственного вопроса».

Популяризируемой практикой для части горожан стало **приготовление недорогих блюд из имеющихся продуктов** (выделено здесь и далее автором статьи. – Е.С.), которые ранее не использовались в таком контексте. Данная практика возникла по причине столкновения потребителя с дороговизной и дефицитом. В прессе появились рекомендации для хозяек и рецепты приготовления обедов из доступных ресурсов. В одном из меню, опубликованном в августе 1916 г., предлагались, например, следующие варианты обеда: суп-пюре из овощей, «пирог из теста сдобного с рисом и яйцами», «запеканка из моркови или каротели», «компот из шепталы с миндалем шинкованным». Другое меню включало суп-пюре из лука, капусту жареную ломтями, ватрушки из теста рубленые с вареньем⁷. Данная тенденция отмечалась не только в Поволжье, но и на территории других районов страны⁸.

Инфляция, сокращение привычных для потребителя продуктов вынуждало горожан искать другие источники приобретения продуктов, в том числе **заниматься промыслами**. Так, о повышенном внимании местного общества к рыболовству в городе Красный Яр Астраханской губернии летом 1916 г. в заметке «г.Красный Яр. Охота пуще неволи» сообщалось: «Мяса здесь теперь не достать. Рыба дорога. Обыватель поэтому с головой окунулся в рыбную ловлю»⁹.

Как вынужденной мерой экономии неимущие горожане пользовались практикой **питания в бесплатных и дешёвых столовых**. В частности, в Казани при столовых, организованных Обществом борьбы с детской смертностью и семейно-педагогическим кружком, ежемесячно в 1915 г. детям бедняков предоставлялось бесплатно до 3000 обедов и ужинов, а в уездном городе Чистополе такие столовые посещали ежемесячно до 640 детей беднейшего населения¹⁰. Другая сторона данной практики – **организация бесплатной или дешёвой системы питания** в городах – стала общероссийской тенденцией, **частью** получившей широкое развитие многоаспектной **благотворительной деятельности**¹¹.

Представители городского общества стали активнее **участвовать в корпоративных кооперативных структурах** в целях обеспечения себя продовольствием, в том числе по более выгодной цене. По г.Вольск Саратовской губернии данная тенденция характеризовалась представителем структуры губернского жандармского управления (ГЖУ) как «съединство» «в кооперативные товарищества, главной и почти исключительной целью которых пока является открывать потре-

бительские лавки для удешевления предметов первой необходимости»¹². Е.П. Кушнир справедливо подчеркнул, что катализатором роста потребительской кооперации среди горожан стала дороговизна жизни¹³.

С весны-лета 1916 г. в ряде городов Поволжья обыватель был вынужден **стоять в так называемых «хвостах» – очередях**, чтобы приобрести продовольствие. В прессе об этом явлении сообщалось: «Длинные «сахарные хвосты» у магазинов за последнее время – обычное явление. Публика собирается к 4 ч. утра... простоять на улице 5-6 часов, дожидаясь очереди, получить 2 фунта... песку – удовольствие не из приятных»¹⁴. Опираясь на характеристику, данную современниками, исследователи обоснованно отметили, что очереди, в том числе за продовольствием, быстро превращались в своеобразные политические клубы антиправительственного характера¹⁵.

Изучая положение рабочих в годы Первой мировой войны, ряд исследователей пришли к заключению о том, что именно в социально-экономическом положении пролетариата крылись причины выражения им недовольства¹⁶, акцентировали внимание на экономическом характере забастовок¹⁷.

Отметим, что в поволжских городах, на территории которых находились промышленные предприятия, с осени 1915 г., а в некоторых даже с весны 1915 г., **в рабочей среде стали выдвигаться требования к руководству предприятий о повышении заработной платы в связи с «продовольственным вопросом»**. Также возникла идея о **забастовке как методе, с помощью которого пытались добиться повышения зарплаты** и, таким образом, «погасить» для себя как потребителя инфляцию и приобрести достаточное количество продуктов и вещей «первой необходимости».

Так, в Самарской губернии 3 февраля 1915 г. 170 рабочих 4-х лесопильных заводов в г.Покровск отказались работать без повышения зарплаты, заявив, что «жизнь в Покровске значительно вздорожала, а потому на прежних началах работать не могут», добились повышения зарплаты на 5 коп. (до 1,3 руб.) в день¹⁸.

В г.Самара 22 мая 1915 г. 700 мастеровых Самарских мастерских Самаро-Златоустовской железной дороги просили организовать переговоры о повышении заработка. Поводом к этому стало «непомерное вздорожание жизни» (подчёркнуто здесь и далее автором статьи. – Е.Ю.), совпавшее с систематическим сокращением расценок на труд. 23 апреля 1916 г. началось «брожение» среди рабочих и мастеровых главных самарских мастерских, передавших 28 апреля начальнику мастерских просьбу об увеличении подённой платы на 25-50% в связи с «удорожанием жизни». 31 августа 1916 г. мастеровые не приступили к

работам, несмотря на угрозу о привлечении их к ответственности. В феврале 1917 г. «поднятие цен на дрова и вздорожание муки и мяса» вновь вызвали требования рабочих мастерских об увеличении их заработка и слухи о возможных беспорядках¹⁹.

В посаде Сергиевск среди рабочих Сергиевского завода взрывчатых веществ, «по случаю дороговизны жизненных продуктов, квартир и дров», в конце октября 1915 г. «начало усиливаться брожение», которое, по мнению начальника Самарского ГЖУ, могло вылиться в открытые беспорядки²⁰.

Соглашаясь с мнением о том, что, в частности, на территории Среднего Поволжья и Заволжья в условиях тотальной войны жить было трудно²¹, считаем всё-таки, что составляющей данных трудностей в военный период, в том числе, и осенью 1915-1916 гг., согласно источниковой базе, являлось изменение привычной практики приобретения продовольствия и исчезновение ряда продуктов из доступной базы, а также рост цен на продовольствие, опережавший рост заработной платы, что приводило к сокращению доходов²². Данная позиция основана не на «подвёрстывании считанного числа фактов», а на отчётной документации о ситуации, в том числе с продовольствием на территории поволжских городов за текущий (как правило, месячный) период, исходящей от структур ГЖУ. Так, по Самарской губернии можно указать на следующие материалы. В рапорте начальника Самарского ГЖУ от ноября 1915 г. отмечалось, что в г. Самара «цены на некоторые продукты... поднялись до 150%... молоко до 80%»²³. Помощник начальника Самарского ГЖУ в Бугурусланском и Бугульминском уездах в ноябре 1915 г. (рапорт №827) констатировал, что на подведомственной ему территории особых перемен не произошло, кроме роста дороговизны на «жизненные продукты»²⁴. Ситуация, сложившаяся в Самарской губернии к концу осени 1915 г., была охарактеризована начальником Самарского ГЖУ в ноябрьском рапорте следующим образом: «Повышение цен на предметы первой необходимости безусловно является главным фактором недовольствия среди населения, доходящего чуть ли не до повсеместного ропота...»²⁵. В рапорте от 7 декабря 1915 г. унтер-офицер Самарского ГЖУ указал, что в г. Балаково цены в среднем повысились на 40%²⁶. Помощник начальника Самарского ГЖУ в Самарском и Бузулукском уездах в рапорте от 12 декабря 1915 г. сообщал, что, в отличие от сельских жителей, среди городского населения «заметно недовольство дороговизной предметов первой необходимости», указал, что «нормировка стоимости продажи некоторых предметов хоть и внесла некоторое успокоение, но не вполне, так как цены остались высокими и коснулись далеко не всех необходимых предметов»²⁷. 16 февраля

1916 г. подполковник Самарского ГЖУ Еманов (рапорт №320) в рапорте о настроениях общества подчеркнул, что в «последнее время цены на продукты первой необходимости почти ежедневно повышаются», и, отметив, что «сводка результатов переписи запасов продуктов в прошлом месяце указала на Самарскую губернию, как на «житницу России»», сообщил, что при этом недостаток «во многих жизненных продуктах с каждым днём ощущается всё острее, а некоторые продукты и совершенно исчезли»²⁸.

Среди данных по Симбирской губернии можно привести сведения из рапорта помощника начальника Симбирского ГЖУ в Сызранском, Сенгилеевском и Карсунском уездах от 28 октября 1915 г., подчеркнувшего, что на момент составления отчётной документации дороговизна продуктов представляла «для населения самый острый и жгучий вопрос»²⁹. Симбирский губернатор А. Ключарев в «Обзоре общественно-политической жизни Симбирской губернии» от 10 сентября 1916 г. обращал внимание на то, что «настроение народных масс, в этом отношении (*продовольственного вопроса*. – примечание моё. – Е.С.), чрезвычайно опасное и легко возбудимое»³⁰. По г. Буинск в рапорте за январь 1917 г. унтер-офицер дополнительного штата Симбирского ГЖУ на пункте г. Буинск указал на то, что «слышится одно лишь недовольствие на дороговизну предметов первой необходимости»³¹.

Практика выдвижения рабочими требований о повышении зарплаты и организации забастовок в связи с «продовольственным вопросом» отмечалась также в городах Верхнего и Нижнего Поволжья.

Так, в Ярославской губернии в г. Ростов 26 сентября 1915 г. рабочая депутация Товарищества Ростовской льняной мануфактуры, где трудилось до 1600 человек, в составе 40 человек явилась к директору с требованием 10-процентной прибавки к зарплате, «ввиду вздорожания харчевых и других предметов первой необходимости». Просьба была «предъявлена спокойно». После проведения «спокойных переговоров» администрация фабрики согласилась прибавить рабочим к существующему заработку 8% на каждый рубль, а также не повышать в обществе потребителей цены «на муку, хлеб и проч.»³². 9 января 1916 г. рабочие данной фабрики предъявили администрации требование о повышении зарплаты на 40%. Мотивировалось требование значительным повышением цен на все предметы «жизненной необходимости» при одновременном снижении зарплаты из-за сокращения рабочего времени на 2 ч. в сутки. До 15 декабря 1915 г. рабочие получали 17-25 руб. в месяц, а с 15 декабря – на 2-5 руб. меньше³³.

В г. Ярославль среди рабочих фабрики Товарищества Ярославской большой мануфактуры

29 октября 1915 г. началось «брожение» в связи с повышением цен на продукты, отпускаемые из фабричного лабаза. Рабочие новой и старой фабрик явились во время смены в контору, предъявили директору фабрики А.Ф. Грязнову просьбу о понижении цены на продукты и о прибавке к зарплате не менее 20 коп. в день, а в случае отказа решили бастовать. 11 марта 1916 г. рабочие данного предприятия выступили с требованием о снижении повышенных цен на продукты в фабричной лавке, повышении зарплаты и провели однодневную забастовку³⁴.

В Казанской губернии в г. Казань 4-11 января 1916 г. протестное движение в связи с дороговизной подняли рабочие Алафузовского завода. 4 января девять рабочих ткацких мастерских обратились к мастеру с просьбой о прибавке 10 % к зарплате для подмастерьев, получавших 40-60 руб. в месяц. 11 января около 350 рабочих ткацкого отделения не приступили к работе, требуя повышения зарплаты. К ним присоединились рабочие и других цехов. Только после начала дежурства у фабрики полицейского наряда 12 января и решения руководства увеличить зарплату ситуация была урегулирована³⁵.

В Саратовской губернии в г. Саратов 21 апреля 1915 г. 298 работников табачной фабрики Левковича прекратили работу, требовали повышения зарплаты, мотивируя требование «вздорожанием жизненных продуктов», и возобновили работу 22 апреля, после увеличения зарплаты³⁶. 9 июля 1915 г. забастовали 300 рабочих завода русской железной промышленности, выдвинув требование о повышении зарплаты в связи с дороговизной продуктов³⁷. В рапорте от 1 сентября 1915 г. временно исполнявший дела начальника Саратовского ГЖУ констатировал, что «среди рабочих, особенно «Французского» завода, на почве вздорожания развивается недовольство заработной платой», допускал возможность забастовки из-за нежелания владельцев повышать зарплату³⁸. О прекращении работы 8 января 1916 г. рабочими железнодорожных мастерских и депо в г. Саратов как акте протеста в связи с материальной необеспеченностью начальник Саратовского ГЖУ сообщал саратовскому губернатору следующее: «...рабочими вырабатывалась особая петиция управляющему Рязано-Уральской жел. дор. с требованием прибавки рабочим поденной заработной платы... до 100%; петиция вызвана слишком незначительным получением рабочими суточного заработка... В случае неудовлетворения... требований рабочих о прибавке, – рабочие предполагали забастовать»³⁹.

В г. Царицын в сентябре 1915 г. распространился слух о недостатке сахара и муки, торговцы «без видимой причины» повысили цены на все продукты и предметы первой необходимости, из-за чего, при сохранении прежнего заработка,

«жизнь вздорожала заметно». А царицынский уездный исправник, характеризуя в отчёте сложившуюся в городе ситуацию, подчеркнул, что забастовку тормозит лишь боязнь «ратников запаса», работавших на заводе, быть призванными в войска. Несмотря на угрозу быть призванными на службу в действующую армию, 15-21 сентября 1915 г. в г. Царицын забастовали рабочие 8-ми лесопильных заводов в составе 217 человек. 21-27 сентября в забастовке приняли участие ещё 56 рабочих ещё 2-х заводов. Все бастующие объясняли свои действия «сильным вздорожанием продуктов»⁴⁰.

Старший фабричный инспектор Министерства труда и промышленности Саратовской губернии в донесении губернатору от 15 февраля 1916 г. сообщал, что забастовки на лесопильных заводах приобрели хронический характер начиная с весны 1915 г. Он указал в качестве одной из причин дороговизну продуктов⁴¹. А саратовский губернатор в рапорте от 19 января 1916 г. в МВД отметил, что забастовки в городах Саратов и Царицын в начале января вызвала дороговизна, после удовлетворения требований рабочих они прекратились⁴².

В конце 1916 г. царицынский уездный исправник (рапорт от 7 декабря) отмечал, что среди рабочих стали циркулировать слухи о предстоящих погромах и беспорядках в городе Царицын и примыкающих к городу заводах. Он подчеркнул, что если забастовки и могут возникнуть, «то исключительно на почве недостатка продовольствия»⁴³. А спустя непродолжительный период, 25 января 1917 г., 136 рабочих котельного цеха Царицынского завода Донецко-Юрьевского металлургического общества не приступили к работам, требуя прибавки всем рабочим по 50 коп. в сутки к зарплате, заявив, что «ввиду дороговизны жизни они при прежних условиях работать не могут», и указав на постоянное повышение цен на муку⁴⁴.

Несколько отвлекаясь от основного вопроса, отметим, что практика рабочих по организации забастовок и участию в них на фоне дороговизны также подкреплялась проблемой неравенства в оплате труда на данном, где проходила забастовка, и иных предприятиях.

Так, в г. Астрахань рабочие завода общества «Кавказ и Меркурий» 30 августа 1916 г., в связи с увеличением зарплаты на заводах братьев Нобель и Норен, подали прошение о прибавке заработной платы. В тот же день они получили надбавку в 7-8% от оклада. Но этим рабочие не были довольны, 2 сентября вновь просили прибавить до 20%, «ибо на других заводах было прибавлено 20%». Просьбу руководство не удовлетворило. После отказа работодателей трудящиеся заявили «об оставлении работы по истечении законного 2-х недельного срока со дня заявления»⁴⁵.

Поденный заработок в г. Самара в апреле 1916 г. у рабочих Трубочного завода составлял: у токаря – 1,25 руб. и 1,65 руб., у слесаря – 1,35 руб., а у рабочих главных Самарских мастерских: у токаря – 2,25 руб. и 2,35 руб., у слесаря – 2,30 руб., – был существенно больше⁴⁶.

Исследователи отметили, что в годы войны зарплата быстрее росла на предприятиях, выполнявших оборонный заказ⁴⁷.

Считаем важным отметить, что уровень оплаты труда и представление обывателей о его необходимом размере для удовлетворения своих потребностей отличались. Например, в г. Самара 26 августа 1916 г. рабочие и мастерские депо Самара прекратили трудиться и предъявили начальнику участка требование об увеличении месячного заработка, за исключением праздничного и сверхурочного⁴⁸. Данные о сумме получаемого и требуемого заработка отражены в табл. 1. Приведённые в табл. 1 статистические сведения позволяют заключить, что запросы разных категорий рабочих расходились с реально установленной оплатой труда. В отмеченном аспекте, по нашему мнению, можно выделить несколько тенденций.

Первая тенденция – существенный диапазон в сравнении суммы прибавки с реальным доходом – от 33 до 87,5%. Вторая – большей прибавки добивались представители наименее оплачиваемых категорий трудящихся. Полагаем, что данную ситуацию можно трактовать как стремление обывателей не к «необузданному обогащению», а к урегулированию имевшихся у них материальных проблем, которые для представителей более оплачиваемых специальностей не были такими острыми. Третья тенденция – стремление к большей социальной справедливости – наблюдается

на основе сопоставления минимума и максимума в размере реально получаемого представителями разных категорий работников жалования (максимальный показатель разрыва в доходах – более 2,5 раз) и требуемого жалования (максимальный показатель разрыва – до 1,3).

Просьбы о повышении окладов, в том числе в связи с высокими ценами на продукты, выдвигались в годы войны служащими. Так, в мае 1915 г. вопрос о повышении зарплаты подняли служащие железнодорожных мастерских в г. Самара «в связи с ненормальными экономическими условиями»⁵⁰. По данным начальника нижегородского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог (рапорт №4312 от 9 ноября 1915 г.), среди железнодорожных служащих в начале ноября 1915 г. был отмечен «разговор о дороговизне продуктов первой необходимости», «вследствие этого телефонисты станции Ковров и Н.-Новгород обращались к Начальнику телеграфа Управления Московско-Курской, Нижегородской и Муромской жел. дорог с просьбой об увеличении им окладов»⁵¹.

Выдвигаемые рабочими и служащими в годы войны требования о повышении заработка были закономерны и оправданы действительным ростом цен и удорожанием жизни. Как показывают данные табл. 2, составленной по материалам г. Сызрань, только за год, с декабря 1915 г. по декабрь 1916 г., цены возросли на разные виды продовольствия в 2 раза, а на некоторые даже в 3-5 раз. Согласно статистике по г. Спасск Казанской губернии, за период весны 1915 г. - весны 1917 г. цены на большинство продовольственных товаров увеличились в 3-4 раза, а на некоторые даже в 6-8 раз⁵². В г. Николаевск Самарской губернии только за период трёх месяцев декабря 1915

Таблица 1. Размер месячного жалования рабочих и мастерских депо в г. Самара на 26 августа 1916 г. и выдвинутый в ходе забастовки 26 августа 1916 г.⁴⁹

Категория работника	Размер жалования к 26 августа 1916 г., руб.	Размер требуемого 26 августа 1916 г. жалования	
		в руб.	прибавка, %
рабочие	40-50	75-80	60-87,5
мастерские	75 - более 100	более 100	33

Таблица 2. Цены на некоторые продовольственные товары в г. Сызрани Симбирской губернии в декабре 1915 г. и в декабре 1916 г.⁵⁴

Вид и количество товара	Цена за товар, коп.		Рост цен за год, %
	декабрь 1915 г.	декабрь 1916 г.	
мясо, фунт	19	40	210,5
масло топленое, фунт	65	220	338,5
рис, фунт	15	35	233,3
яйца, 10 шт.	40	100	250
сосиски, фунт	35	80	228,5
гусь, 1 шт.	200	800-1000	400-500

г. – февраля 1916 г. цены увеличились на масло животное (коровье) на 16%, на сахар-песок – на 23%, на картофель – на 28%⁵⁵.

Размер зарплаты рабочих и служащих в годы войны в абсолютных показателях также повышался. В частности, пример её роста на предприятиях г. Казань представлен в табл. 3, демонстрирует увеличение месячной зарплаты на некоторых предприятиях г. Казань за 1914-1916 гг. на 170%, 236%.

Сравнение данных о росте цен и данных о росте зарплаты некоторых категорий трудящихся за аналогичный период, например по материалам г. Спасск, показывает, что за 1915-1917 гг. цены на основные продукты питания возросли значительно больше (на 280-400% и даже на 800%), чем зарплата рабочего (на 250%)⁵⁶.

Несмотря на рост зарплаты происходило снижение покупательской способности населения. Данную тенденцию демонстрирует статистика, приведённая в табл. 4.

Представленные в табл. 4 данные показывают, что, например, рабочий, трудившийся на сель-

скохозяйственных работах в г. Спасск Казанской губернии, по большинству видов продовольственных товаров мог приобрести значительно меньшее количество продовольствия в 1916 г., чем в 1915 г., и в 1917 г., чем в 1916 г., хотя по некоторым видам продовольствия (в основном овощам) отмечалась иная ситуация.

Дороговизна отражалась неодинаково на разных профессиональных и социальных группах городского общества в связи с различием в уровне зарплаты, в том числе среди работников одного предприятия, предприятий одного типа. Так, в Самаре осенью 1915 г. основная масса рабочих, например типографии Петрова и Козлова, получали зарплату 10-25 руб. в месяц и лишь некоторые – больше 25 руб.; а дневная зарплата рабочих лесопильных заводов Козлова, Кунина и Соколова составляла 3,75-4 руб., что при 26 рабочих днях в месяц позволяло зарабатывать 90-104 руб.⁵⁸

В табл. 5 приведены данные о зарплате некоторых категорий рабочих предприятий г. Саратов в январе 1916 г.

Таблица 3. Заработная плата рабочих (взрослых мужчин) льнопрядильной ткацкой фабрики кожевенного завода Общества Алафузовской фабрики г. Казань в июле 1914 г., в июле 1916 г.⁵⁵

Параметры		Период		Рост за 2 года, %
		1 июля 1914 г.	1 июля 1916 г.	
1.	Кол-во рабочих, о зароботке которых подаются сведения	2348 чел.	3322 чел.	170
	Общий заработок, руб.	46678	112819	
	Средний месячный заработок, руб.	19,88	33,96	
2.	Кол-во рабочих по прядильному пр-ву	251 чел.	227 чел.	236
	Общий заработок, руб.	4473	10016	
	Средний месячный заработок, руб.	17,82	44,12	

Таблица 4. Количество продуктов, которые мог приобрести рабочий, трудящийся на сельскохозяйственных работах в г. Спасск Казанской губернии в марте 1915 г., в марте 1916 г. и в марте 1917 г.⁵⁷

Вид продовольствия (его количество)	Количество продовольствия, которое мог приобрести на дневной заработок работник / работница в марте 1915 г., марте 1916 г., марте 1917 г.					
	мужчина			женщина		
	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
рыба свежая, простая, фунт	4,2	4,0	3,75	2,8	2,0	2,5
сало говяжье, фунт	3,75	3,3	2,1	2,5	1,7	1,4
масло подсолнечное, фунт	4,0	2,9	1,25	2,6	1,5	0,8
масло скоромное, фунт	1,3	1,4	0,8	0,9	0,7	0,55
сахар, фунт	3,5	3,5	нет данных	2,3	1,8	нет данных
капуста белая, ведро	1,5	3,3	1,8	1,0	1,3	1,25
картофель, пуд	2,0	2,0	1,5	1,3	1,0	1,0
яйца, штук	нет данных	33,3	15,0	нет данных	16,6	10,0
чай низкого сорта, фунт	0,37	0,36	0,7	0,6	0,2	0,45

Таблица 5. Зарплата на заводе Саратовского военно-промышленного комитета «Сотрудник» и других подобных заводах г.Саратов (по данным старшего фабричного инспектора Министерства промышленности и торговли Саратовской губернии) на январь 1916 г.⁵⁹

Специальность	Поденный заработок на предприятии «Сотрудник» Саратовского ВПК, руб.		Дневной заработок на предприятии «Сотрудник» рабочих, работавших сдельно, руб.		Дневной заработок на других механических заводах г. Саратова, руб.	
	min	max	min	max	min	max
слесарь	1,0	3,0	1,6	6,75	1,3	2,2
токарь	1,1	2,38	1,1	5,6	1,3	4,0
кузнец	1,44	2,5	1,44	5,0	1,1	2,5
литейщик	1,0	2,32	2,5	7,5	1,4	3,5
чернорабочий	1,1	1,6	-	-	0,9	1,4

Представленные в табл.5 данные позволяют констатировать, что был возможен разрыв в доходах рабочих разных сфер занятости одного предприятия более чем на 300%, рабочих одной специальности на конкретном предприятии – более 400%, рабочих одной специальности на разных предприятиях одного города – более 600%, что актуализирует исследование структуры социального состава участников протестного движения в рабочей среде.

Среди торговцев в годы войны получила развитие *спекулятивная деятельность*, использование различных способов получения выгоды в сложный для общества и страны период. Меткая характеристика И.Б. Беловой о сложившейся ситуации: «Почти каждый номер губернских газет содержал информацию о привлечении к ответственности нарушителей обязательных постановлений, касающихся вопросов снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости»⁶⁰, данная по материалам Орловской и Калужской губерний, вполне применима и ко многим городам Поволжья.

Среди предпринимателей практиковалась *продажа товаров по ценам, завышенным в сравнении с установленной таксой* (максимальным размером цены на определённый вид продукции на территории данного населенного пункта). Например, в г.Самара по постановлениям самарского губернатора только от 24 февраля 1916 г. за торговлю мясом и молоком по цене выше таксы были оштрафованы 11 лиц⁶¹.

Другим способом наживы являлось *сокрытие товара до последующего удорожания*. Так, по данным статистики 1916 г. по Симбирской губернии, можно отметить обнаруженные случаи сокрытия продовольствия и ширпотреба в г. Ардатов (в феврале было выявлено сокрытие муки купцом Ф.П. Алиповым, который «препроводил» её «в другой уезд дороже на 20 копеек за пуд»; сокрытие сахара купчихой П.В. Краснощековой, имевшей в подвале при доме «запас сахара более 300 пуд.», который она сбывала только «мелким

торговцам в уезде мешками по 30 копеек за фунт»); в г.Буинск (в августе было выявлено сокрытие купцом Сабитовым 100 мешков муки, 100 ящиков мыла, 50 ящиков спичек)⁶².

Новым способом получения дохода для торговцев стала *продажа товаров «с нагрузкой», «скопом»*. Так, в июле 1914 г. в ярославской газете в заметке «Местная жизнь. Алчность торговцев» сообщалось: «В крупных бакалейных магазинах сократили отпуск сахара... 10 фун. сахара отпускается лишь в том случае, когда покупается не менее 1 фун. чаю»⁶³. В г.Саратов на заседании Городской думы 1 апреля 1916 г. гласный В.А. Шишкин сообщал, что торговцы «при продаже продукта начинают требовать, чтобы был куплен и другой – сахар не отпускают без чаю, бумагу – без лент»⁶⁴.

Торговцы стали прибегать к практике *удержания сдачи при продаже товара*. Например, в сентябре 1915 г. в г.Н. Новгород частыми стали случаи отказа продавать товары за бумажные деньги, с покупателя требовали монету или сдавали неполную сдачу, подобное же наблюдалось годом позже в г.Астрахань⁶⁵.

В городах отмечались случаи *продажи торговцами недоброкачественной продукции*⁶⁶.

Недобросовестная торговая практика включала также *использование связей с лицами, опирающимися на своё служебное положение при выполнении заказов* городского управления *на поставку продовольствия*. Так, в г.Макарьев Костромской губернии купец И.А. Гречухин закупил в июле 1915 г. для города две партии хлеба, одну из которых привёз, а вторая «испортилась» по дороге⁶⁷. При организации Военно-промышленного комитета (ВПК) в г.Н. Новгород 6 октября 1915 г. и областного ВПК Нижегородской губернии 21 октября Биржевой ВПК под руководством городского головы Д.В. Сироткина включил в их состав только крупных капиталистов и подведомственные организации. Таким образом, по сути, тормозилось «дело по снабжению армии»; оно передавалось «исключительно в руки своих сто-

ронников»⁶⁸. Являясь членом Городского союза, Сироткин организовал дело о продаже овса, выделенного городскому самоуправлению, частным торговцам, поддерживал интересы торговцев в обход интересов горожан⁶⁹.

Различные торговые практики, получившие развитие в годы войны, формы наживы, развившиеся в условиях Первой мировой войны, выявили несколько тенденций, характерных для военной эпохи. Во-первых, стремление представителей городского общества к обогащению, независимо от влияния данной деятельности на окружающих, жителей того же города, в котором проживали и занимавшиеся спекуляциями. Во-вторых, спекуляции отразили несогласие ряда представителей городского социума с установлением ограничений на сводную торговлю. В-третьих, спекуляции проявили озлобленность горожан по отношению к тем, кто, занимаясь предпринимательской деятельностью, обогащался за счет потребителей, содействовали формированию недоверия к власти и агрессивного настроения в адрес её представителей. В-четвертых, спекуляции создавали благоприятные условия для поляризации городского социума и одновременно оказались «зеркалом», отражавшим данную тенденцию в обществе. В-пятых, они характеризовали слабость государственной, региональной и муниципальной политики в деле борьбы с наживой.

Раздражение, возникавшее в обществе в связи с жизненными неурядицами, нашло выражение в своеобразной поведенческой практике – **трансляции посредством разговоров, прессы, анонимных писем идеи наказания торговцев**. Меры наказания, предлагаемые обывателями, были разнообразны. Одна из них – репрессивное воздействие со стороны властных структур. Например, в казанской газете в июне 1915 г. в заметке «Мелочи» автор, перечисляя проблемы, с которыми столкнулся обыватель из-за спекуляции, заключал: «И чем власть беспощадней поступит, тем будет справедливее!»⁷⁰ Начальник Казанского ГЖУ в рапорте от 20 января 1916 г. сообщал в Департамент полиции (ДП), что даже спокойные и уравновешенные люди «высказываются за необходимость принятия «крупных» мер против спекулянтов всякого рода»; «говорят, что если бы «одного, другого повесили, так прочим не было бы повадно»; отмечал, что «только сравнительно немногие» удовлетворяются тем, «чтобы владельцев крупных торговых и промышленных предприятий, которые проявляют неумеренный аппетит к наживе, арестовали, высылали в Сибирь этапным порядком»⁷¹. А исполняющий дела начальника Казанского ГЖУ в «Обзоре настроения населения Казанской губернии» от 15 октября 1916 г. отметил: «Безумная погоня за наживой раздражает... общество, которое не находит ей

оправдания. Все чаще... слышатся разговоры о необходимости принятия самых строгих и даже жестоких мер для обуздания appetитов спекулянтов»⁷².

В Ярославской губернии в январе 1916 г., согласно данным ярославского губернатора, рабочие считали необходимым, «в виду сильно развившейся в последнее время спекуляции», применение к торговцам «карательных мер», «до высылки... спекулянтов из пределов данной местности включительно»; к сведениям о карательных мерах, применяемых в отношении спекулянтов в столице, они относились с чувством нескрываемого удовлетворения⁷³.

Также обыватели предлагали дискредитировать и саботировать спекулянтов. Например, в г. Самара в октябре 1915 г., по данным начальника Самарского ГЖУ, спекуляции местного миллионера купца Соколова «вызвали со стороны населения настолько сильное негодование, что население без всякого предварительного сговора перешло прямо к бойкоту». Среди горожан стали собираться подписи о сносе памятника «воспитателю фирмы Соколова». В Городской думе поднимался вопрос о лишении Соколова звания почётного гражданина. А в газете «Волжское слово» 31 октября была опубликована статья «Радостный день императора Вильгельма», в которой высмеивался так называемый «патриотизм» Соколова и сообщалось о том, что Соколова «наградили» железным крестом от имени императора Вильгельма⁷⁴.

Для борьбы со спекулянтами общество было готово прибегнуть к погромам и поджогам. До определенного времени о погромах обыватели лишь говорили как о возможных и необходимых. Так, в начале июня 1915 г. в г. Саратов циркулировали слухи среди части жителей о возможности погромов торговых и промышленных предприятий⁷⁵. В августе 1915 г. в г. Царицын на базаре были отмечены случаи обсуждения произошедших в г. Москва беспорядков, высказывались суждения о том, «что было бы здесь недурно «потрепать лавки богачей, которые на все поднимают цены»⁷⁶. А 3 ноября 1916 г. местный полицмейстер в рапорте отметил, что население «крайне возбужденное по случаю непомерной дороговизны и ежедневно повышаемых... цен»; указал, что «ходят слухи о возможности погромов и поджогов по примеру других городов»⁷⁷.

10 мая 1916 г. начальник Самарского ГЖУ сообщал, что среди жителей г. Самара, особенно бедноты, «идут упорные слухи о готовящемся... погроме по примеру г. Оренбурга а равно и Саратова, где якобы также произошли беспорядки на почве дороговизны»⁷⁸. В середине ноября 1916 г. самарский полицмейстер отметил в рапорте, что «рабочий народ, пекаря булочных заведений и служащие магазинов ведут разговоры об устройстве нового погрома на крупные магазины»⁷⁹.

В Ярославской губернии в июне 1916 г., как указал в рапорте от 13 июля начальник Ярославского ГЖУ, из-за дороговизны «по адресу крупных торговцев и хлебопромышленников», появились угрозы – от разгрома торговых предприятий до поджога паровых мельниц и дровяных складов включительно. Данные угрозы высказывались в местах привозной торговли⁸⁰. В г. Романово-Борисоглебск 1 июня 1916 г. на улице было обнаружено воззвание с призывом к погрому: «Долой торговцев! Довольно они грабили народные деньги! Собирайтесь-же в среду на Романовской стороне, на ярмарочной площади, часа в два дня»⁸¹.

В г. Казань в середине сентября 1915 г., согласно данным казанского полицмейстера (рапорт от 19 сентября 1915 г.), рабочие Алафузовского завода из-за дороговизны собирались осуществить погром лавок на базарах в слободах⁸². Спустя год, в сентябре 1916 г., в г. Казань появился слух о том, что при продолжении спекуляций население выйдет на улицу «с дубинами»⁸³. А 24 января 1917 г. казанский губернатор получил анонимное письмо от жителей г. Казань с сообщением о том, что при отсутствии обеспечения населения хлебом люди будут вынуждены «разгромить всех спекулянтов», и заключением: «...мы бедные классы в настоящий момент против спекулянтов стоим в кровю кипение»⁸⁴.

Отмечались случаи отправки обывателями анонимных писем с угрозой погрома конкретным торговцам. Так, начальник Казанского ГЖУ в рапорте в ДП о настроении жителей губернии в мае-июне 1916 г. указал, что «и в Казанской губернии начинает проявляться негодование общества против торговцев». Он сообщал, что в г. Казань два владельца магазинов-мастерских получили от «чёрных воронов» письма с требованием положить известную сумму денег в указанном месте. В этом случае им обещали не разорять магазины во время предстоящего погрома купцов. Начальник Казанского ГЖУ отметил, что данные случаи – «симптомы, указывающие на то, что известное настроение нарастает», «может вылиться в разгром магазинов при малейшем к тому поводе»⁸⁵.

Анонимные письма аналогичного содержания с угрозой «поджога» в начале октября 1915 г. получили в г. Вольск двое домовладельцев⁸⁶. В г. Самара в начале июня 1916 г. торговец Замятин обнаружил анонимку с угрозой, в которой сообщалось, что хотя он и лавочник, но «бедных людей в цене за товар» не обижает. Далее содержалось предупреждение, чтобы Замятин был готов «спасать» имущество, так как соседние лавки П. Филипповой и Шлезингера на Предтеченской и Вознесенской улицах на днях подожгут и разгромят «рабочие люди», мстящие тем, кто «пёт» «рабочую кровь»⁸⁷.

Идеи о необходимости наказать спекулянтов-торговцев привели в некоторых городах Поволжья к деструктивным практикам – *обыскам* и

погромам торговых заведений. Руководство ДП в масштабе государства констатировало в мае 1916 г. общественную тенденцию – приписывание менее состоятельными слоями населения причин создавшегося в стране, в связи с войной, экономического кризиса эксплуататорским стремлениям торговцев, «что... вызывает по отношению к последним сильное озлобление в народе» и возможность погромов⁸⁸.

Беспорядки на основе «продовольственного вопроса» отмечались в губернских городах Поволжья, в том числе они произошли: в Костроме – 25 июля 1915 г. (рабочие фабрик Кашина и Зотова, оставив работу, направились толпой к центру города просить губернатора «упорядочить продовольственный вопрос», произошло столкновение с отрядом полицейских стражников с жертвами с обеих сторон)⁸⁹; в Самаре – 19 сентября 1915 г. (начался со сбора утром на Воскресенской площади у магазина Зарубалова толпы женщин, требовавших сахара, который, по слухам, был спрятан торговцами в ожидании повышения цен, продолжался до вечера, сопровождался битьём стекол, стычками полиции с толпой, включавшей женщин, подростков)⁹⁰, 5 ноября 1916 г. (привлечён к следствию 71 человек, ранены 39 сотрудников охраны, 3 участника погрома застрелены, около 60 лавок и магазинов разграблены)⁹¹; в Симбирске – 4 июля 1916 г.⁹²; в Астрахани – 8-9 сентября 1915 г. (толпа громила магазины, торгово-промышленные фирмы, была «усмирена» казаками)⁹³.

Подчеркнём, что самарский полицмейстер, характеризуя причины погрома на Троицком базаре в г. Самара 5 ноября 1916 г. (а мнения губернатора и Городской думы на этот счёт отличались), указал на целый комплекс, выделил его составляющими не только недовольство покупателей качеством мяса, предлагаемого торговцами именно 5 ноября, но и созревшее в обществе недовольство дороговизной всех продуктов первой необходимости (в том числе хлеба, мяса, молока и др.), недостаток некоторых продуктов (прежде всего сахара), неорганизованность в торговле продуктами, спровоцировавшую хроническое явление очередей⁹⁴.

В уездных городах погромы торговцев прошли в том числе: 8 июля 1915 г. в г. Сергиевск (на ярмарке торговец обувью П.Е. Земченков задержал в лавке с краденой парой обуви крестьянина, на крик которого собралась толпа и стала громить лавку, расхитила обувь, избива торговца); в г. Рыбинск в июле 1915 г. (на базаре в связи с высокой ценой на молоко женщины побили крынки, яйца у торговцев); 10 июля 1916 г. в г. Вольск (на базаре в ходе беспорядков пострадали торговцы ягодами, бакалейщик; толпа разошлась только после прибытия роты солдат; были задержаны 36 лиц, в том числе 20 женщин)⁹⁵.

Данная тенденция (погромы торговых заведений) ярко проявилась в городах Поволжья и в течение всего 1917 г., после крушения имперской власти, отмечалась в Симбирске, Балашове, Рыбинске, Чухломе, Нерехте, Енотаевске, Астрахани, Красном Яре, Царицыне, Галиче и других городах, зачастую стала сопровождаться **столкновениями с представителями власти, отмечались случаи их избиения и убийства в ходе развития данных событий** (например, избиение толпой в г.Козьмодемьянск заведующего отделом продовольствия в мае; избиение в г.Кострома губернского комиссара и унтер-офицера 21 августа в ходе обыска толпой складов и магазинов; избиение губернского комиссара в г.Астрахань 12 сентября в процессе беседы о снабжении хлебом; убийство толпой городского головы в г.Покровск 4 сентября у городской лавки из-за отсутствия хлеба)⁹⁶. Тенденцией в данных событиях стало участие в погромах наряду с горожанами пришедших в город из ближайшей округи крестьян, женщин. Отметим мнение В.А. Верременко о составе женщин – участниц «бабьих бунтов», в том числе горожанок, которая полагает, что значительным среди «солдаток» являлось представительство «гражданских жён», не получивших пайкового снабжения⁹⁷. Считаем, что актуальной является исследование социальной структуры участников погромов, отмечавшихся в городах на продовольственной почве.

Примечательно, что поведенческие практики, сложившиеся под влиянием продовольственного вопроса, носили и региональную специфику. Так, по Архангельску исследователями отмечается следующая тенденция: взятие чиновниками, таможенными досмотрщиками и даже полицейскими чинами краткосрочных отпусков в целях получения доступа к заработку в порту, поскольку трёхдневный заработок портового рабочего соответствовал месячному жалованию данных лиц, позволял разрешить стеснённые материальные условия, в том числе и по приобретению продовольствия⁹⁸.

Представленные выше поведенческие практики горожан, сформировавшиеся в условиях войны, получили широкое распространение, отмечались в общероссийском контексте, характеризуют приспособление обывателей к условиям новой действительности, отличались социальной направленностью и наличием определённого смысла.

«Продовольственный вопрос» являлся в годы Первой мировой войны, как и в другой период, составляющей повседневной жизни обывателя. Он стал основой для части горожан для воплощения стремлений к обогащению, для части – права на более высокую зарплату, для части – насущных проблем выживания. Первые участвовали в спекуляциях, нарушали законодательные нормы торговли. Подобное проявление можно оценивать как явное превалирование индивидуальных,

меркантильных интересов над государственными и общественными интересами в условиях серьёзнейшей для страны и общества ситуации международного конфликта, сопровождавшегося экономическим кризисом.

Требование о повышении зарплаты в связи с дороговизной жизни было обосновано экономическими условиями, свидетельствует о поиске средств выживания. Оно также указывает на стремление рабочих к справедливости – в условиях возросшей в годы войны занятости получать заработанные собственным трудом средства, не допустить их сокращения.

Необходимость выживания (наличие питания, в том числе качественного, возможность его приобретения в свободной продаже, его доступность по ценовым показателям) вызвала спектр поведенческих практик. В городах, где были проблемы со снабжением и регулированием имевшегося продовольствия, отмечались следующие разнообразные практики: «освоение» новых рецептов блюд; промыслы, обеспечивавшие дополнительную бесплатную пищу; обращение к благотворительной помощи; формирование и развитие потребительской кооперации; акции демонстративных устных заявлений об отказе от работы при отсутствии повышения зарплаты; акции действием на том же основании.

Сформировавшееся под влиянием «продовольственного вопроса» негативное восприятие действительности и желание наказать виновного в ухудшении собственной жизни вылились в такие практики, как составление анонимных жалоб и доносов на торговцев-спекулянтов в адрес представителей власти, анонимных угроз, адресованных самим торговцам, а также писем-предупреждений, адресованных представителям власти; погромы торговых заведений, в том числе сопровождавшиеся столкновениями с полицией, причинением телесных повреждений представителям власти. Причём в погромах активное участие принимали женщины.

Сложившиеся под влиянием «продовольственного вопроса» поведенческие практики характеризуют нагнетание у горожан Поволжья чувства недовольства, находившего выход во всё более агрессивных действиях, «простиравшихся» от критики и угроз до погромов, телесных повреждений и убийств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поведение // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://psychology.academic.ru/1651/поведение> (дата обращения: 20.03.2015).

² Семенова Е.Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №1 (7). С.169.

- ⁵ *Парамонов В.Н.* Качество жизни россиян в военный период 1914-1918 гг.: историографический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5 (29). С.39.
- ⁴ Там же. С.39, 41, 42, 43.
- ⁵ Смотрите, например, следующие работы: *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009; *Леонов М.И.* Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8/2 (109). С.146, 148-149; *Семенова Е.Ю.* Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 - начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: АНО «Издательство СНИЦ РАН», 2012. С. 156-227, 262-306; *Её же.* «Продовольственный вопрос» в жизни горожан ... С.169-174.
- ⁶ *Семенова Е.Ю.* Поведенческие практики городского населения как отражение мирозрения и настроений общества тыловых районов России в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Мат. междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С.237-241.
- ⁷ «На помощь хозяйкам. Как приготовить недорогого питательный обед без мяса» // Казанский телеграф. 1916. 4 августа. С. 4; 21 августа. С.3.
- ⁸ Например, на территории Калужской губернии данная тенденция описана И.Б. Беловой (*Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 - февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордогова. М.: АИРО-XXI, 2011. С.75).
- ⁹ Астраханский листок. 1916. 17 (30) августа. С.4.
- ¹⁰ *Семенова Е.Ю.* Мирозрение городского населения... С.253.
- ¹¹ *Кушнир Е.Н.* Изменение повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны. URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/2010-novaya-lokalnaya-istoriya-socialnye-praktiki> (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹² Областное государственное учреждение Государственный архив Саратовской области (далее – ОГУ ГАСО). Ф.55. Оп.1. Д.522. Л.40.
- ¹³ *Кушнир Е.Н.* Указ. соч.
- ¹⁴ «По городу» // Казанский телеграф. 1916. 15 мая. С.3.
- ¹⁵ *Тютюкин С.В.* Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке: в 3 кн. / Рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский; Ин-т всеобщ. истории РАН. Кн.1. М.: Наука, 2008. С.140.
- ¹⁶ См., например, работы: *Богородицкая Н.А.* Рабочие Нижегородской ярмарки в период первой мировой войны и Февральской революции // Рабочие Центрально-Промышленного района России в условиях империалистической войны и Февральской революции: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Горький, 1990. С.58-66; *Гудков Б.И., Марова М.Ю.* Сормовский завод в 1914-1917 гг. // Рабочие Центрального промышленного района России в борьбе за победу и утверждение завоеваний Великого Октября. С.16-20; *Новожилев Е.И.* Рабочие Нижегородской губернии в борьбе за улучшение жизненных условий в 1917 году // Рабочие Центрального промышленного района России в борьбе за победу и утверждение завоеваний Великого Октября. С.47-52; *Ольховская Л.В., Чернова М.Г.* Рабочие мелкой промышленности Центрально-Черноземного района в годы первой мировой войны // Рабочие Центрально-Промышленного района России в условиях империалистической войны и Февральской революции. С.44-45; *Румянцев Е.Д.* Фабрично-заводской пролетариат Поволжья в годы империалистической войны и Февральской буржуазно-демократической революции (социальный облик, экономическое положение, революционная борьба). Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 1991.
- ¹⁷ См., например, работы: *Белова Т.В.* Стачечное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы Первой мировой войны. (19 июля 1914 - февраль 1917 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кострома, 1993. С.15-17; *Ниманов И.Б.* Революционное движение в Поволжье в годы первой мировой войны (июль 1914 - февраль 1917 гг.) (На материалах Марий Эл, Мордовии, Чувашии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1994. С.18, 25.
- ¹⁸ ОГУ ГАСО. Ф.53. Оп.1. 1915 г. Д.10. Л.632.
- ¹⁹ Государственное бюджетное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (далее – ГБУСО ЦГАСО). Ф.468. Оп.1. Д.2047. Л.63; Д.2222. Л.57, 64-65, 117; Д.2352. Л.8-9.
- ²⁰ Там же. Д.2352. Л.103.
- ²¹ *Леонов М.И.* Указ. соч. С.146.
- ²² *Семенова Е.Ю.* Мирозрение городского населения ... С.174-175; *Её же.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в первую мировую войну (1914 - начало 1918 гг.): Сб. док. и мат. Самара: АНО «Издательство СНИЦ РАН», 2011. С.123-128, 149-156, 161, 170-171.
- ²³ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2127. Л.42-42об.
- ²⁴ Там же. Л.18.
- ²⁵ Там же. Л.42об.
- ²⁶ ОГУ ГАСО. Ф.1089. Оп.1. Д.656. Л.863-865.
- ²⁷ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2127. Л.84.
- ²⁸ ОГУ ГАСО. Ф.1089. Оп.1. Д.676. Л.221-223.
- ²⁹ Областное государственное бюджетное учреждение Государственный архив Ульяновской области (далее – ОГБУ ГАУО). Ф.855. Оп.1. Д.1279. Л.69-72.
- ³⁰ Там же. Ф.76. Оп.7. Д.1495. Л.1-13.
- ³¹ Там же. Ф.855. Оп.1. Д.1386. Л.5.
- ³² Государственное казённое учреждение Ярославской области Государственный архив Ярославской области (далее – ГКУ ЯО ГАЯО). Ф.73. Оп.7. Д.1163. Л.23-23об.
- ³³ Там же. Ф.906. Оп.1. Д.271. Л.7-8, 10, 18, 27.
- ³⁴ Там же. Ф.73. Оп.7. Д.1163. Л.14-14об.; Д.1310. Л.20-22.
- ³⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.1. Оп.5. Д.1522. Л.12, 46-48; Ф.199. Оп.2. Д.1580. Л.1, 4, 8.
- ³⁶ ОГУ ГАСО. Ф.53. Оп.1. 1915 г. Д.10. Л.57-60.
- ³⁷ Там же. Ф.1. Оп.1. Д.9633. Л.22-22 об.
- ³⁸ Там же. Д.9638. Л.16.
- ³⁹ Там же. Л.2.
- ⁴⁰ Там же. Д.9585. Л.49, 61, 73, 85, 105, 119, 131, 145, 161, 196, 219; Д.9638. Л.18-19, 63.
- ⁴¹ Там же. Д.9774. Л.72.
- ⁴² Там же. Д.9774. Л.22; Д.9801. Л.86-87.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Д.10110. Л.11-12.
- ⁴⁵ Государственное казённое учреждение Астраханской области Государственный архив Астраханской области (далее – ГКУ АО ГААО). Ф.286. Оп.2. Д.487. Л.152.

- ⁴⁶ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2222. Л.59.
- ⁴⁷ Чолахян В.А. Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. - 1930-е гг.). Саратов, 2008. С.56.
- ⁴⁸ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2222. Л.114.
- ⁴⁹ Составлена по данным: ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2222. Л.59, 114.
- ⁵⁰ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2047. Л.64.
- ⁵¹ Государственное казённое учреждение Центральный архив Нижегородской области (далее – ГКУ ЦАНО). Ф.918. Оп.8. Д.535. Л.38.
- ⁵² Семенова Е.Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия... С.126. Табл.2.3.
- ⁵³ Её же. Мировоззрение городского населения... С.177. Табл.3.2.3.
- ⁵⁴ Составлена по материалам: Сызранский курьер. 1917. 10 января. С.3.
- ⁵⁵ Составлена на основе данных: НА РТ. Ф. 1153. Оп.1. Д.473. Л.15-16, 27-28.
- ⁵⁶ Семенова Е.Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия... С.126. Табл.2.4.
- ⁵⁷ Составлена по данным: НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.433. Л.15-18, 78-81, 131-134.
- ⁵⁸ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2047. Л.87, 105.
- ⁵⁹ Составлена по данным: ОГУ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.9774. Л.56.
- ⁶⁰ Белова И.Б. Указ. соч. С.66.
- ⁶¹ ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп.61. Д.10. Л.200, 201, 229-240.
- ⁶² Семенова Е.Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан ... С.172.
- ⁶³ Северная газета. 1914. 27 июля. С.3.
- ⁶⁴ Известия Саратовской Городской Думы. 1916. №7. С.144-145.
- ⁶⁵ Астраханский листок. 1916. 13 (26) августа. С.3; Козьма Минин. 1915. 12 сентября. С.3.
- ⁶⁶ Областное государственное бюджетное учреждение Государственный архив Костромской области (далее – ОГБУ ГАКО). Ф.133. Оп.2. Т.10. Д.14450. Л.27-28, 33-34.
- ⁶⁷ Костромской телеграф. 1915. 23 июля. С.4.
- ⁶⁸ ГКУ ЦАНО. Ф.918. Оп.1. Д.980. Л. 45-49.
- ⁶⁹ Там же. Л.37-40.
- ⁷⁰ Казанский телеграф. 1916. 14 июня. С.3.
- ⁷¹ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1522. Л.15-21.
- ⁷² Там же. Ф.199. Оп.1. Д.1108. Л.90об.
- ⁷³ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.906. Оп.1. Д.183. Л.1-7.
- ⁷⁴ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2127. Л.42об.
- ⁷⁵ ОГУ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.9623. Л.146.
- ⁷⁶ Там же. Д.9638. Л.16.
- ⁷⁷ Там же. Д.9801. Л.55.
- ⁷⁸ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2222. Л.61.
- ⁷⁹ Там же. Ф.466. Оп.1. Д.10. Л.197.
- ⁸⁰ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.73. Оп.7. Д.1312. Л.16.
- ⁸¹ Там же. Л.16об.
- ⁸² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1538. Л.31.
- ⁸³ Там же. Оп.1. Д.1108. Л.91об.; Д.1130. Л.92.
- ⁸⁴ Там же. Оп.2. Д.1631. Л.2.
- ⁸⁵ Там же. Оп.1. Д.1109. Л.23-28.
- ⁸⁶ ОГУ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.9585. Л.185об.
- ⁸⁷ ГБУСО ЦГАСО. Ф.466. Оп.1. Д.6. Л.104, 171.
- ⁸⁸ Там же. Д.10. Л.194.
- ⁸⁹ Костромское охранное отделение. Записки жандармского офицера. Кострома, 1917. С.26-28.
- ⁹⁰ ГБУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2047. Л.83, 85.
- ⁹¹ Там же. Ф. 3. Оп.233. Д.3792. Л.18-20, 25-27.
- ⁹² ОГБУ ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.1488. Л.97.
- ⁹³ ГКУ АО ГААО. Ф.290. Оп.2. Д.415а. Л.42; Астраханский вестник. 1916. 1 января. С.3.
- ⁹⁴ ГБУСО ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.3792. Л.25об.-26.
- ⁹⁵ Там же. Ф.468. Оп.1. Д.2007. Л.17; Костромской телеграф. 1915. 8 июля. С.4; ОГУ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.9777. Л.51-54
- ⁹⁶ Подробнее об этом смотрите: Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения... С.296-304.
- ⁹⁷ Веретенко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Мат. междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веретенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С.164.
- ⁹⁸ Трошина Т.И. Великая война и Северный край. Европейский Север в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012. С.205.

**COLLECTIVE AND INDIVIDUAL BEHAVIOURAL PRACTICES OF THE TOWNSPEOPLE
DURING THE WORLD WAR I IN THE CONTEXT OF «THE FOOD QUESTION»
AND ITS IMPACT ON EVERYDAY LIFE**

© 2015 E.Y. Semenova

Volga Branch of Institute of the Russian History of the RAS, Samara
Samara State Technical University

The paper is devoted to the interrelations of individual and collective behavioral practices of the townsfolk with the «food question» during the years of World War I. The study is based on materials from the cities of Volga region.

Keywords: collective and individual behavioral practices, «food question», townspeople, World War I, Volga region.